

митрополит Антоний

**Ф. М. Достоевский, как
проповедник христианского
возрождения и вселенского
православия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М54

М54 **митрополит Антоний**
Ф. М. Достоевский, как проповедник христианского возрождения и вселенского православия / митрополит Антоний – М.: Книга по Требованию, 2021. – 64 с.

ISBN 978-5-517-99419-6

ISBN 978-5-517-99419-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Изъ писемъ Л. Н. Толстого къ Н. Н. Страхову ¹⁾.

„На дняхъ я читаль „Мертвый Домъ“. Я много забыль, перечиталь, и не знаю лучше книги изо всей новой литературы, включая Пушкина. Не тонъ, а точка зрѣнія удивительна: искренняя, естественная и христіанская. Хорошая, назидательная книга. Я наслаждался вчера цѣлый день, какъ давно не наслаждался. Если увидите Достоевскаго, скажите ему, что я его люблю“.

„Я никогда не видалъ этого человѣка (Ф. М. Достоевскаго) и никогда не имѣль прямыхъ отношеній съ нимъ; и вдругъ, когда онъ умеръ, я поняль, что онъ былъ самый близкій, дорогой, нужный мнѣ человѣкъ. И никогда мнѣ въ голову не приходило мѣряться съ нимъ, никогда. Все, что онъ дѣлалъ (хорошее, настоящее, что онъ дѣлалъ), было такое, что, чѣмъ больше онъ сдѣлаеть, тѣмъ мнѣ лучше. Искусство вызываетъ во мнѣ зависть, умъ тоже, но дѣло сердца — только радость. Я его такъ и считаль своимъ другомъ и иначе не думаль какъ то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдругъ читаю — умеръ. Опора какая-то отскочила отъ меня. Я растерялся, а потомъ стало ясно, какъ онъ мнѣ былъ дорогъ, и я плакаль и теперь плачу“.

Изъ слова на могилѣ Ф. М. Достоевскаго ²⁾.

„Достоевскій любилъ живую человѣческую душу во всемъ и вездѣ, и вѣрилъ онъ, что мы всѣ *родъ Божій*, вѣрилъ въ безконечную силу человѣческой души, торжествующую надъ всякимъ внѣшнимъ насиліемъ и надъ всякимъ внутреннимъ паденіемъ. Принявъ въ свою душу всю жизненную злобу, всю тяготу и черноту жизни и преодолевъ все это безконечною силою любви, Достоевскій во всѣхъ своихъ твореніяхъ возвѣщалъ эту побѣду. Извѣдавъ *божественную* силу въ душѣ, пробивающуюся черезъ всякую человѣческую немощь, Достоевскій пришелъ къ познанію Бога и Богочеловѣка. *Дѣйствительность* Бога и Христа открылась ему во *внутренней* силѣ любви и всепрощенія, и эту же всепрощающую благодатную силу проповѣдываль онъ какъ основаніе и для внѣшняго осуществленія на землѣ того царства правды, котораго онъ жаждалъ и къ которому стремился всю свою жизнь“.

¹⁾ I томъ собр. соч. Достоевскаго. Спб. 1883 г., стр. 67 и 69.

²⁾ Сказано 1-го февраля 1881 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Жизненный подвигъ Достоевскаго ¹⁾.

Счастливы тотъ, кто могъ и кто умѣлъ любить:
Печальный тернъ его прочтѣй, чѣмъ лавръ героя,
Святого подвига его не позабыть
Толпѣ, исторгнутой изъ мрака и застоя.
На скорбь его вездѣ откликнутся друзья;
И смерть его вездѣ смутитъ сердца людскія,
И въ часъ разлуки съ нимъ, какъ тѣсная семья,
Надъ нимъ заплачетъ вся Россія!

Надсонъ.

Когда хоронили Достоевскаго, многочисленная толпа провожала траурную колесницу на кладбище, и, по описаніямъ современниковъ, толпа эта была самаго различнаго состава: учащаяся молодежь, студенты и курсистки разныхъ спеціальностей, офицеры и дамы, юноши и старики, такая же разнообразная толпа, какъ та, которая восторженно рукоплескала за полгода предъ тѣмъ Пушкинскою рѣчи съ проповѣдью о всечеловѣкѣ, когда общее напряженіе восторга разрядилось обморокомъ неизвѣстнаго молодого человѣка близъ кафедры, у ногъ Достоевскаго. Что же соединило эту толпу и породило этотъ до боли доходящій, мучительный энтузіазмъ любви и благодарности за рѣчь, которая шла въ разрѣзъ всѣмъ ходячимъ мнѣніямъ и предрассудкамъ, которая кичливыхъ и самодовольныхъ звала къ покаянію (смирись, гордый человѣкъ! смирись праздный человѣкъ! такъ восклицалъ къ русской интеллигенціи Достоевскій)? Конечно, и въ похоронной процессіи и на Пушкинскомъ праздникѣ было очень мало политическихъ сторонниковъ Достоевскаго, да и вообще были люди самыхъ различныхъ политическихъ мнѣній. Были сломаны, значить, политическія перегородки, обычно

¹⁾ Заимствовано изъ рѣчи проф. С. Н. Булгакова, прочитанной на вечерѣ въ память О. М. Достоевскаго въ Кіевѣ, 25 февраля, 1906 г. (Свобода и культура, № 1, стр. 19—25).

раздѣляющія людей; общій энтузіазмъ испепелилъ ихъ кажущуюся крѣпость! Мало было и такихъ, которые подозрѣвали дѣйствительные размѣры литературнаго и философскаго генія Достоевскаго. Вѣдь, по совѣсти говоря, его слѣдуетъ причислить къ величайшимъ писателямъ и величайшимъ мыслителямъ всѣхъ временъ и народовъ. Вѣдь предъ легендою о Великомъ Инквизиторѣ и вообще философскими главами „Братьевъ Карамазовыхъ“ (и другими его страницами) блѣднѣетъ—говорю это съ полнымъ убѣжденіемъ—Фаустъ, Гете и мистерія Байрона; вѣдь въ романахъ Достоевскаго, нужно прямо сказать, заключено гораздо больше подлинной философіи, нежели въ десяткахъ томовъ профессоровъ философіи и вообще школьныхъ ея представителей. Достоевскимъ были предугаданы и такія своеобразныя и симптоматическія явленія европейскаго сознанія, какъ Ницше, и не только предугаданы, но и гораздо ярче и сильнѣе выражены (вспомните галерею ницшеанскихъ типовъ: Раскольниковъ, Кирилловъ, Ставрогинъ и Иванъ Карамазовъ). Пониманіе общаго значенія Достоевскаго въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ остается удѣломъ немногихъ и кромѣ того, въ этомъ я тоже глубоко убѣжденъ, вполне еще вообще недоступно пока никому—и раскроется лишь будущимъ временемъ.

Чѣмъ же, стало быть, былъ дорогъ Достоевскій этой разношерстной толпѣ, какая интимная связь породнила его съ тѣми, кто, не раздѣляя вовсе его вѣры, его мнѣній, не можетъ проникнуть и во всю сложность его духовной жизни? Очевидно, эта привязанность относится болѣе къ человѣку, чѣмъ къ литератору и художнику; очевидно, она основывается на болѣе глубокомъ фундаментѣ, нежели литературныя симпатіи или политическія мнѣнія, которыя складываются иногда въ силу чисто логическихъ переживаній. Отъ сердца къ сердцу и отъ совѣсти къ совѣсти идетъ эта незримая связь, она проходитъ въ тѣхъ глубинахъ, гдѣ скрыта связь матери и ребенка, брата и сестры, ближайшихъ друзей. И, мнѣ кажется, въ этомъ покоряющемъ обаяніи именно и нужно искать разгадки тайны души Достоевскаго, не въ литературѣ, а въ томъ, что стоитъ за литераторомъ и иногда имъ даже заслоняется и маскируется—въ человѣкѣ, т. е. въ

его сердцѣ. Больное, любящее и страдающее сердце,—вотъ свѣтыня, предъ которою преклоняются всѣ колѣни, и вотъ то, что влечетъ къ Достоевскому чрезъ всѣ разногласія съ нимъ, непониманіе и предрасудки. Достоевскому былъ данъ истинно человѣческой и единственно человѣческой даръ — даръ страданія во имя любви къ людямъ, даръ страданія и крестъ страданія. Если бы мы не были такіе эгоисты, если бы мы не были заняты постоянно своими мелкими личными дѣлами, то покой и счастье стали бы навсегда невозможны для насъ. Стоитъ только открыть глаза и уши, прислушаться къ голосамъ этого міра, мы услышимъ отъ всѣхъ временъ и народовъ, отъ проплаго и настоящаго, нестерпимый стонъ, проклятія, жалобы, плачь дѣтей, мы почувствуемъ, что земля подъ нами пропитана кровью, и весь этотъ міръ и вся исторія есть одна мучительная трагедія. Мы не можемъ вынести и вмѣстить этого, мы слишкомъ любимъ себя и свой покой, и только потому мы живемъ въ относительномъ покоѣ. Этого мало: въ мѣру своего собственнаго развитія, мы начинаемъ понимать не только физическія, но и духовныя страданія, которыхъ не подозрѣвали ранѣе: простому человѣку муки Фауста, Раскольниковъ или Ивана Карамазова представляются блажью. Слышать и понимать, а, слѣдовательно, и раздѣлять и нести на себѣ всѣ скорби и грѣхи *всего* міра есть дѣло Бога, и мы приближаемся здѣсь къ страшной тайнѣ Геесиманской ночи, кроваваго боренія и пота. Но къ священной оградѣ Геесиманскаго сада, изъ котораго есть только одинъ путь—на Голгофу, приближается всякій въ мѣру своего страданія за другихъ, безкорыстной, самоотверженной скорби и боли за человѣка. И близко, ближе многихъ другихъ, подошелъ къ ней Достоевскій, и это то и почувствовала въ немъ своими не окаменѣвшими еще сердцами молодежь Достоевскаго, этотъ „жестокій талантъ“, который принялъ въ свою душу и муки Раскольниковъ, и страданія Сони, и стыдъ Мармеладова, и горе Екатерины Ивановны, и слезы замученныхъ дѣтокъ, и тоску Карамазова, и бѣдныхъ людей, и униженныхъ и оскорбленныхъ, и каторжниковъ и аристократовъ, Достоевскаго, который и насъ мучить этой своей мукой, исторгаетъ слезы и у жестокихъ,

жжетъ своимъ огнемъ, этого Достоевскаго не въ состояніи искренно отвергнуть человѣкъ; онъ можетъ отъ него заслониться, не допустить его до своего сознанія, но святости этого человѣческаго страданія и любви къ человѣку онъ не можетъ сознательно отвергнуть, какъ не можетъ сознательно отвергнуть и Того, Кто мучился за людей и молился въ тѣмѣ Геосиманскаго сада. И та Голгофа, которая была въ сердцѣ у Достоевскаго, тотъ крестъ, который былъ въ немъ воздвигнуть, вотъ что повелительно склоняетъ насъ предъ Достоевскимъ.

Крестнымъ путемъ, чрезъ страданіе каторги, чрезъ грязь и черноту жизни, чрезъ распахнувшіяся для него бездны человѣческаго сердца и муки пришелъ Достоевскій къ Тому, Кто весь есть любовь, и, однажды увидавъ и понявъ тайну подвига распятаго Бога, всю Его единственность и святость, онъ утвердился на Немъ, какъ на основаніи для вѣры и въ людей, и въ Бога, и въ спасеніе человѣчества. Христось занялъ всю его душу, да иначе этого быть не можетъ: Его можно отвергнуть, но если принять, то только всей душой. Въ посмертныхъ замѣткахъ Достоевскаго значится, между прочимъ, планъ „написать книгу объ Иисусѣ Христѣ“. Мы не знаемъ, написалъ ли бы онъ эту книгу, но въ извѣстномъ смыслѣ всѣ его книги, особенно послѣднихъ лѣтъ, написаны о Христѣ, во всѣхъ Онъ является истиннымъ, хотя и незримымъ, центромъ, иногда выступая открыто. Величайшее торжество генія Достоевскаго состоитъ именно въ томъ, что онъ, снявъ церковную позолоту и византійскую традиционность, по новому, по-своему сумѣлъ въ своихъ произведеніяхъ дать почувствовать живого Христа; онъ ставитъ Его какъ бы среди насъ и, приближая Его, научаетъ любить Его. Неотразимой силы и паѳоса достигаетъ поэтому Достоевскій именно въ тѣхъ мѣстахъ своихъ произведеній, гдѣ появляется у него зримо или незримо Христось. Вспомните потрясающую сцену чтенія евангельскаго разсказа о воскресеніи Лазаря въ „Преступленіи и наказаніи“, гдѣ „убійца и блудница сошлись за чтеніемъ вѣчной книги“, и гдѣ до глубочайшаго дна распахиваются вдругъ глубины грѣшной и скорбной человѣческой души. Вспомните главу о Канѣ Га-

лилейской въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, гдѣ тоже описывается моментъ такого душевнаго подъема, когда человѣкъ опредѣляется на всю жизнь. Вспомните, наконецъ, какъ описано появленіе Христа въ „Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ“,—вы какъ будто присутствуете при этомъ явленіи. И этой пламенной любовью ко Христу и опредѣлялось, въ сущности, такъ называемое міросозерцаніе Достоевскаго, его вѣра.

Не нужно думать, что легко и безболѣзненно далась Достоевскому эта его вѣра. Напротивъ, цѣною жесточайшей борьбы, отчаянныхъ сомнѣній, мукъ богооставленности („Боже мой, вскую мя еси оставилъ?“) далась ему она, и часть— конечно, только часть, ибо самага главнаго здѣсь рассказать нельзя,—разсказываетъ онъ въ своихъ романахъ. Въ чело- вѣческой душѣ ему были открыты такія глубины содомскаго грѣха, отъ которыхъ кружится голова, но зато—и вершины святости съ бѣляющими снѣгами вѣчности; вѣдомы были ему и подполье, и притонъ, и тюрьма, и монастырь. Все это открывалъ онъ, конечно, въ своей собственной, всеобъемлющей душѣ, мучительно извлекая оттуда страшные образы. Конечно, ему въ тысячу разъ легче было бы не знать о человѣкѣ того, что онъ знаетъ, и не понимать того, что онъ понимаетъ, но ему надо было это знать и понимать, это входило въ тяжесть креста его. И вотъ въ причудливомъ и фантастическомъ соединеніи чередуются эти типы: Соня и Свидригайловъ, старикъ Карамазовъ и старецъ Зосима, Грушенька и юродивая (изъ Бѣсовъ), Алеша и Иванъ Карамазовъ, Великій Инквизиторъ и чертъ въ кошмарѣ Ивана Федоровича, и все это клокотало и боролось въ немъ самомъ въ мучительной борьбѣ. И въ чисто философскихъ вопросахъ религіи предъ Достоевскимъ открывались такія бездны сомнѣнія, которыя и не сняты ходячему, беззаботному и поверхностному отрицанію, такъ что на этомъ основаніи иные считаютъ Достоевскаго атеистомъ, только страстно жаждавшимъ вѣры, но ея не нашедшимъ. Достоевскій не былъ философомъ-систематикомъ, онъ не противопоставлялъ аргументовъ аргументамъ, побивая одни другими и самъ дѣлая свой окончательный выводъ. Онъ клалъ на полотно ху-

дожественное изображеніе чувствъ и настроеній, иногда взаимно исключавшихъ другъ друга. Сказать, возвысился ли онъ самъ надъ этой борьбою, побѣдителемъ онъ или побѣжденный, значить тоже пытаться раскрыть неразгаданную тайну его, можетъ быть самую роковую и страшную тайну. Предъ концемъ жизни Достоевскій далъ самый жестокой и рѣшительный бой противоположнымъ началамъ, боровшимся въ его душѣ, въ романѣ „Братья Карамазовы“, гдѣ „бунтъ“ и „Легенда о великомъ инквизиторѣ“ чередуются съ поученіями старца Зосимы и „Каной Галилейской“, гдѣ всѣ вопросы обострены въ ужающей степени. Этотъ романъ остался незаконченнымъ, его окончательная развязка и послѣднее слово автора унесены въ могилу, и смерть поставила свое обычное многоточіе...

Я лично не сомнѣваюсь и не сомнѣвался, что положительныя начала торжествовали въ душѣ Достоевскаго, что вѣра торжествовала надъ его сомнѣніями, хотя и не устраняла остроту ихъ переживаній. Основной и существенный аргументъ въ пользу этого мнѣнія я вижу въ томъ, что иначе Достоевскому не давалось бы изображеніе такой силы положительныхъ религіозныхъ переживаній, въ его сочиненіяхъ не появлялось бы того лика Христова, который присутствуетъ въ нихъ теперь; иначе, быть можетъ, они просто не были бы написаны; однимъ словомъ, весь тонъ, планъ, всѣ дерзанія проповѣди тогда были бы иными.

Ф. М. Достоевскій, какъ проповѣдникъ христіанскаго возрожденія.

ГЛАВА I¹⁾.

О чемъ писалъ Достоевскій?

Ф. М. Достоевскій „это—типъ человѣка, который прошелъ всѣ ступени ниспаденія и возстанія, всѣ ступени отъ мысленнаго шатанія и нравственнаго блужданія, до отрицанія и преступленія, до самыхъ тяжелыхъ жизненныхъ испытаній, даже до каторги; который затѣмъ сталъ не только достойнѣйшимъ и полезнѣйшимъ сыномъ отечества, но и обновленнымъ сыномъ Отца Небеснаго, потрудившись на самомъ трудномъ и высокомъ поприщѣ мысленнаго творчества, и свой безпримѣрный, по психологическому анализу, не только въ русской, но и европейской литературѣ, художественно-мыслительный гений употребилъ—на что вы думаете? По моему мнѣнію, не на что иное, какъ исключительно на глубоко-художественное разъясненіе притчи Спасителя о блудномъ сынѣ“.

Никаноръ, архіеп. херсонскій и одесскій.

Достоевскій раскрываетъ въ своихъ сочиненіяхъ стройное и весьма полное міросозерцаніе: всѣ разнообразнѣйшія частности жизни и мысли, нескончаемой вереницей проходящія предъ его читателемъ, проникнуты одною нравственною идеею. Въ начертаніи безчисленныхъ типовъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей общественнаго быта—отъ схимника до социалиста, отъ младенцевъ и философовъ до преклонныхъ старцевъ, отъ богомолковъ до блудницъ, Достоевскій не пропускаетъ ни одной картины, ни одной, можно сказать, строки,

¹⁾ Эта и слѣдующія 2 главы представляютъ воспроизведеніе съ нѣкоторыми сокращеніями статьи архіепископа Антонія (Храповицкаго): „Пастырское изученіе людей и жизни по сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго“. Казань, 1898 г., 1—38 стр.; также въ полномъ собраніи сочиненій т. III, стр. 298—341.

не привязанной такъ или иначе къ своей идеѣ. Богатство нравственнаго содержанія автора такъ обильно; такъ стремительно спѣшить оно излиться, что ему мало двѣнадцати толстыхъ томовъ и шестидесяти-лѣтней трудовой жизни, чтобы успѣть высказать міру желаемыя слова. Томимый жаждою этой проповѣди, онъ не успѣваетъ усовершенствовать свои повѣсти съ внѣшне-художественной стороны и, вмѣсто обычнаго у другихъ писателей растягиванія и пережевыванія иногда малосодержательной идейки на сотни страницъ разныхъ картинокъ и типовъ, нашъ писатель, напротивъ того, громоздитъ спѣшно и сжато идею на идею, психическій законъ на законъ; напряженное вниманіе читателя не успѣваетъ догонять его глазами, и онъ, поминутно останавливая свое чтеніе, обращаетъ свой взоръ снова на перечитанныя строки— настолько онѣ содержательны и серіозны. Не малопонятность изложенія тому причиной, не туманность мысли, а именно преизливающаяся полнота содержанія, не знающая себѣ подобной во всей нашей литературѣ. Читать Достоевскаго—это хотя сладостная, но утомительная, тяжелая работа: пятьдесятъ страницъ его повѣсти даютъ для мысли читателя содержаніе пятисотъ страницъ повѣстей прочихъ писателей и вдобавокъ нерѣдко бессонную ночь томительныхъ укоровъ себѣ или восторженныхъ надеждъ и стремленій.

Та объединяющая всѣ его произведенія идея, которую многие тщетно ищутъ, была не патріотизмъ, не славянофильство, даже не религія, понимаемая какъ собраніе догматовъ,—эта идея была изъ жизни внутренней, душевной-личной: она была не посылкою, не тенденціей, но просто центральной *темой* его повѣсти, она есть живая, близкая всякому, его собственная дѣйствительность. *Возрожденіе*— вотъ о чемъ писалъ Достоевскій во всѣхъ своихъ повѣстяхъ: покаяніе и возрожденіе, грѣхопаденіе и исправленіе, а если нѣтъ, то ожесточенное самоубійство; только около этихъ настроеній вращается вся жизнь всѣхъ его героевъ, и лишь съ этой точки зрѣнія интересуется самъ авторъ различными богословскими и социальными вопросами въ послѣднихъ публицистическихъ произведеніяхъ. Да, это—то священное трепетаніе въ человѣческомъ сердцѣ зачатковъ новой жизни, жизни любви и